

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПОСЛЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ОТМЕНЫ «КРЕПОСТНОГО ПРАВА»

Осипян Борис Арташесович, канд. юрид. наук. Должность: старший научный сотрудник. Место работы: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail: artos5@mail.ru

Аннотация: В своей статье «Российское государство после законодательной отмены «крепостного права» автор посредством рассмотрения основных положений знаменитого Манифеста 1861 года об отмене «крепостного права» и существенных обновлений российского законодательства, произведенных вплоть до конца XIX века, выявляет главный смысл основных государственно-правовых преобразований, направленных на необходимое устранение чиновничье-бюрократического произвола церковных и светских властей и безотлагательное заметное улучшение социальной жизни многомиллионного русского крестьянства в целях предотвращения назревающих тогда в многонациональной и многоконфессиональной Российской Империи крестьянских бунтов, «бессмысленных и жестоких», массовых социальных беспорядков и кровавых революций.

Ключевые слова: законодательная отмена «крепостного права», Манифест 1861 года, существенные обновления российского законодательства, главный смысл государственно-правовых преобразований, необходимое и безотлагательное устранение чиновничье-бюрократического произвола церковных и светских властей, заметное улучшение социальной жизни многомиллионного русского крестьянства, предотвращение крестьянских бунтов, массовых социальных беспорядков и кровавых революций.

THE RUSSIAN STATE AFTER LEGISLATIVE ABOLITION OF THE SO-CALLED «SERFDOM LAW»

Osipyan Boris, candidate of law. Position: senior researcher. Place of employment: The institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation. E-mail: artos5@mail.ru

Annotation: In his article «The Russian State after Legislative Abolition of the so-called «Serfdom Law» the author through viewing substantive provisions of the well-known «Manifesto» of 1861, concerning cancellation of «serfdom law», as well as the essential renovations of the Russian organic legislation up to the end of the XIX century, reveals the main essence of the main state-legal reforms and transformations, directed to necessary and urgent elimination of the official-bureaucratic of the Russian Orthodox Church and secular authorities arbitrariness for the obvious improvement of social life of the multimillion Russian peasantry and prevention of ripening revolts, «senseless and severe», mass social disorders and bloody revolutions in the multinational and multiconfessional Russian Empire.

Keywords: legislative abolition of the so-called «serfdom law», the well-known «Manifesto» of 1861, concerning essential renovations of the Russian organic legislation, necessary and urgent elimination of the official-bureaucratic of the Russian Orthodox Church and secular authorities arbitrariness, obvious im-

provement of social life of the multimillion Russian peasantry and prevention of ripening revolts, «senseless and severe», mass social disorders and bloody revolutions in the multinational and multiconfessional Russian Empire.

«Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу...».¹

Воцарившийся в 1855 году новый русский император Александр II, имея выверенную Богом благу веру и доброе сердце, просвещённый разум и склонность к всему англо-европейскому образованию, благожелательное отношение к каждому человеку и народу, искренне желал и был вполне готов к началу производства существенных преобразований государственно-правового устройства своей страны ради предотвращения назревающих революционных потрясений во всей многонациональной и многоконфессиональной Российской Империи.² Именно поэтому он в начале 1857 года публично заявив, что лучше крепостное право отменить сверху, нежели дожидаться его отмены снизу, и получив решительную поддержку среди большинства великих русских князей, учредил Секретный комитет по окончательному законодательному разрешению злободневного «крестьянского вопроса».

В феврале 1859 года он с той благородной целью образовал при себе Редакционные комиссии по рассмотрению материалов губернских комитетов для последующего составления проекта широкомасштабной государственно-правовой реформы и окончательной отмены «крепостного права» в России. Примечательно то, что в процессе предпринятой программы по законодательной отмене ненавистного «крепостного права» в России были плодотворно использованы правомерные теоретические идеи, цели, общепринятые в цивилизованных государствах правовые принципы и законодательные акты римского права, соответствующие англо-саксонские, австрийские, прусские, французские кодексы и иные общие и отраслевые образцы передового западноевропейского правосознания и законов.³

Согласно предполагаемым социально-правовым преобразованиям более двадцати двух миллионов русских крепостных крестьян должны были быть законодательно объявлены лично свободными и становились полноценными и ответственными людьми, т.е. «сельскими обывателями», которые впервые приобрели бы общепризнанные гражданские права и свободы, в частности, право самостоятельно вступать в брак без согласия бывших своих церковных и светских хозяев, добровольно служить в царской армии, получать образование, покупать нужные им вещи, орудия труда, дома и землю как члены крестьянской общины, наследовать имущество, создавать свои предприятия, мануфактуры и фабрики, иметь ремесленные заведения, свободно торговать, вступать в купеческие гильдии и ремесленные цехи, временно «отлучаться от места жительства согласно правилам» и даже перехо-

¹ См.: Известное высказывание русского царя Александра II; По кн.: Пушкарева С.Г. Обзор русской истории. Издательство Белорусского Экзарха. Минск, 2006. С. 315.

² См.: Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века. Учебное пособие. / Под ред. В.В. Керов. М., 2009. С. 367.

³ См.: Осипян Б.А. Право как верный путь к порядку и душеспасению, или два главных вектора действия надлежащей и непреходящей идеи права // Вестник развития науки и образования. 2015. № 4. С. 4-20.

дить в другие социальные сословия. Законодательно освобождённые от духовно-нравственного и территориально-вотчинного рабства русские люди уже не подлежали суду своих экономических и политических хозяев.⁴

И только 19 февраля 1861 года, с глубокой печалью созная многовековое, разлагающее и пагубное воздействие «крепостного права» на личность своих подданных и на всю духовно-нравственную и государственно-правовую жизнь России, император Александр II издал свой знаменитый «Манифест о всемирно-лучшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта». Действие этого освободительного для всего многомиллионного русского крестьянства политико-правового документа было также определено и поддержано такими важными сопутствующими законодательными актами, как «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», «Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости, и о содействии Правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий», «Правила о порядке приведения в действие положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», а также закон «Об устройстве дворовых людей».⁵

Однако законодательно раскрепощённые по доброй воле своего родного «царя-батюшки» и невиданно возрадовавшиеся русские крестьяне, как бы сверху избавленные от ненавистного для них многовекового монастырского и помещичьего произвола, продолжали по привычке и на деле оставаться прикрепленными к прежней общинной земле и, следовательно, пребывали в полной изоляции от остальных социальных сословий и иноверных народов многонациональной Российской Империи. Оставаясь в таком неопределённом правовом положении, русские крестьяне так и не успели почувствовать своего богоданного человеческого достоинства, а также необходимой свободы для личного и ответственного предпринимательства и хозяйствования на родной русской земле.

Согласно новому антикрепостническому законодательству за крестьянское такое законодательное освобождение из-под ига русских православных попов и глубоко верующих помещиков Российское государство уплачивало бывшим хозяевам процентными бумагами стоимость земель, которые отходили под так называемые «крестьянские наделы». Дело в том, что в конце пятидесятых годов XIX века шестидесяти пяти процентов русских крепостных крестьян были заложены русскими монастырями и помещиками в многочисленные кредитные учреждения, а более двенадцати процентов русских дворян и помещиков вынуждены были продать унаследованные свои вотчины и имения. Согласно предпринятым сверху коренным законодательным нововведениям, русские крепостные крестьяне обязаны были в течение сорока девяти лет погасить свой долг государству своими ежегодными взносами в форме выкупных платежей в размере шести процентов с выкупной ссуды. При этом средний размер душевого надела составлял около трёх деся-

тин. Выкупные платежи и все подати русские крестьяне обязаны были платить не лично, а сообща, как говорится, «всем миром», по традиционной системе так называемой «круговой поруки». Поэтому каждый крестьянин без согласия «всего мира» не мог по своей личной воле выйти из крестьянской общины для самостоятельной, достойной и ответственной личной и семейной жизни.⁶

Местным органом предполагаемого крестьянского самоуправления⁷ должен был стать сельский сход, в котором участвовали все свободные крестьяне в качестве самостоятельных домохозяев. Они были вправе выбирать себе из своей среды своего сельского старосту, а также уполномоченных по одному из каждых десяти крестьянских дворов. Все местные крестьянские дворы вместе образовывали волостной сход во главе с волостным старшиной, а также могли выбирать отдельных членов и полный состав волостного суда в составе от четырёх до двенадцати судей, которые «тройками» участвовали на заседаниях волостного суда.

Надо заметить, что до законодательной отмены «крепостного права» «сверху» и судебной реформы 1864 года многонациональный российский народ не знал беспристрастного и независимого судопроизводства. Все российские органы правосудия были лишь недоразвитым, слабым и полностью подчинённым отрогом действовавшей тогда произвольно административно-полицейской системы произвола. Более того, в каждом государственном органе и даже в иерархической системе тогдашней «греко-русской православной церкви» или даже отдельном поместье имела своя собственная судебная, уголовно-исполнительная и тюремная система. В рамках проводимой судебно-правовой реформы и для мирного разрешения споров между крестьянами и помещиками законодательно были учреждены должности мировых судебных посредников, назначаемых сверху из наиболее авторитетных представителей образованного местного дворянства.⁸

Дореформенное православное правосудие в России справедливо почиталось форменным произволом и «кривосудием», которое велось под надзором глубоко верующих и воцерковлённых русских чиновников, но без правомерного и целесообразного участия равных сторон судопроизводства и какого-либо общественно-контроля. Оно в большинстве случаев производилось бессовестными, трусливыми и продажными судьями на основе личного мнения вышестоящих начальников, произвольно составленных полицейских протоколов дознания или незаконно получаемых ими взяток и подношений — «мзды». Известный русский поэт-славянофил К.С.Хомяков писал, что в те времена в российских судах традиционно царил неправда чёрная, от которой волосы вставали дыбом и мороз драл по коже.⁹

⁶ См.: Осипян Б.А. Смысл жизни человека в контексте непреходящей идеи права // Вопросы правоведения. 2012. № 1. С. 23-40. Достоинство человека как высшая охраняемая ценность // Вопросы правоведения. 2011. № 1 (9). С. 85-101.

⁷ См.: Осипян Б.А. Истоки идеи публичной власти в форме народного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 7-12.

⁸ Мировые судебные посредники, которые помогали крестьянам правильно составлять уставные грамоты и следили за ходом крестьянского самоуправления в сельских обществах и волостях, действовали под контролем губернаторов до 1874 года.

⁹ См.: Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. Издательство Белорусского Экзарха. Минск, 2006. С. 319.

⁴ См.: Цечоев В.К., Власов В.И. История отечественного государства и права. Р-н-Д., 2007. С. 423, 425.

⁵ См.: Осипян Б.А. Противоречивость дореволюционного российского законодательства как существенное условие будущих революционных потрясений // История государства и права. 2009. №14, №15, № 16. С. 31-33. С. 34-36. С. 30-34.

Новые судебные уставы 1864 года впервые в истории России установили правомерные принципы «суда скорого, правового и милостивого, равного для всех». Были также составлены и опубликованы новые уставы уголовного и гражданского судопроизводства, которые гарантировали открытый и гласный суд с обязательным и состязательным участием заинтересованных сторон, государственного обвинителя — прокурора или товарища прокурора и адвоката-защитника обвиняемого, который избирался из состава независимого сословия юридически образованных присяжных поверенных. При необходимости судебный адвокат-защитник мог выполнять свою необходимую и благородную функцию в уголовном судопроизводстве совершенно бесплатно. Вопрос о наличии вины у подсудимого лица решался коллегией из двенадцати присяжных заседателей, избранных по жребию из местных обывателей всех сословий, заранее внесённых в судебные списки¹⁰.

Дела небольшой социально-политической важности были подсудны и обычно решались мировыми судьями, избранными уездными земскими собраниями для склонения тяжущихся сторон рассматриваемого судебного дела к примирению и полюбовно-согласительному решению их спора. Для решения более важных дел были учреждены окружные суды, состоявшие из назначаемых сверху профессиональных судей. Для предварительного расследования уголовных дел были также законодательно учреждены должности профессиональных судебных следователей. Апелляционной инстанцией для окружных судов стали судебные палаты, учреждённые в нескольких больших городах для руководства судебными округами. Высшей судебной инстанцией для Российской Империи стал Правительствующий Сенат, который в основном выполнял функции кассационного суда и пересматривал решения и приговоры нижестоящих судов лишь при явном нарушении процессуальных правил надлежащего судопроизводства¹¹.

Вышестоящие судебные сенаторы назначались непосредственно самим государём-императором, а члены окружных судов и судебных палат назначались по представлению этими судебными учреждениями. По новому закону все судьи считались добросовестными, беспристрастными, административно независимыми и несменяемыми при законном исполнении своих должностных обязанностей. Однако многочисленность оправдательных судебных приговоров, выносимых выборными присяжными заседателями, воспринималось православными церковными иерархами и русскими помещиками как потрясение основ российской государственности и традиционного общежития. По этой причине все дела о государственных преступлениях впоследствии законодательно были изъяты из ведения суда присяжных и переданы на рассмотрение «особого присутствия» Сената, судебных палат или даже специальных военных судов. Естественно, весь этот поднадзорный и неправомерный произвол русских чиновников и судей вызывал массовое народное недовольство наиболее просвещённых и образованных русских людей и иноверных народов Российской Империи¹².

¹⁰ См.: Осипян Б.А. О мерах по искоренению порочной системы отказа в правосудии //Адвокат. 2009. № 1. С. 76-80.

¹¹ См.: Осипян Б.А. Судебная власть как особая разновидность исполнительной власти //Российский судья. 2008. № 12. С. 6-9.

¹² См.: Осипян Б.А. Противоречивость дореволюционного российского законодательства как существенное условие

Ещё накануне назревающих антикрепостнических реформ 1860-х годов политический эмигрант князь Петр Долгоруков для предотвращения разгула чиновничьего произвола в России призывал верховную власть к упразднению чина: «Император Всея Руси, претендующий быть Самодержцем, полностью лишен права, на которое могут притязать не только все конституционные монархи, но даже и президенты республик, — права выбирать себе чиновников. Чтобы занять в России некую должность, надобно обладать соответствующим чином. Если монарх отыскивает честного человека, способного выполнять известную функцию, но не состоящего в чине, потребном для занятия соответствующей должности, он не может его на нее назначить. Это учреждение являет собою крепчайшую гарантию ничтожества, низкопоклонства, продажности, посему изо всех реформ эта более всего ненавистна всеильной бюрократии. Изо всех пороков чин искоренить труднее всего, ибо у него столь много влиятельных заступников. В России достоинство человека есть великое препятствие в его служебном продвижении...Во всех цивилизованных странах человек, посвятивший десять-пятнадцать лет жизни учению, странствиям, земледелию, — промышленности и торговле, человек, приобретший специальные знания и хорошо знакомый со своей страной, займет государственную должность, где сможет выполнять полезное дело. В России все совсем иначе. Человек, оставивший службу на несколько лет, может вновь поступить на нее лишь в том чине, какой был у него в момент отставки. Кто никогда не служил, может поступить на нее лишь в низшем чине, вне зависимости от своего возраста и заслуг, тогда как негодяй или полукретин, который ни разу не покинет службы, в конце концов, достигнет в ней чинов высочайших. Из этого следует та единственная в своем роде аномалия, что среди русских, наделенных таким умом и такими похвальными качествами, где дух, так сказать, витает по деревьям, управление отличается никчемностью, которая неизменно увеличивается ближе к высшему чину и в известных высоких кругах управления вырождается поистине в полудиотизм».¹³ Увы, но эта архиважная и острая проблема безделья «никчемного чиновничества» не менее злободневна и сегодняшней Российской Федерации, в которой несравненно больше чиновников, нежели когда-либо в государственно-правовой истории России¹⁴.

После массовых народных восстаний в католической Польше и в Литве 1863 году¹⁵ император Александр II мудро и своевременно решил предоставить свободному и многострадальному польскому народу некоторую национально-государственную самостоятель-

будущих революционных потрясений //История государства и права. 2009. №14, №15, № 16. С. 31-33. С. 34-36. С. 30-34.

¹³ См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж. Массачусетс. 1974. С. 154.

¹⁴ Для сравнения заметим то, что в 1914 году всё население Российской Империи составляло сто семьдесят пять миллионов человек, из которой только 1, 4% составляли правительственные и общественные служащие и люди свободных профессий (примерно 2,5 миллиона человек), 1% - армейские служащие и 1% церковные служащие.

¹⁵ Во время польского восстания поляки из политических демонстраций перешли к открытому вооружённому нападению на русские казармы и перебили там множество спящих русских солдат. Известный русский писатель и публицист А.Герцен тогда встал на сторону польских патриотов и в своём журнале «Колокол» призывал русских офицеров вместе с поляками бороться с царским самодержавием под лозунгом «за нашу и вашу свободу».

ность (автономию) посредством учреждения состоящего из самих поляков государственного совета для Царства Польского, создания губернских советов для местного выборного управления и местного народного самоуправления. Во главе польской администрации был назначен польский патриот маркиз Велепольский, а наместником царя в Польше стал родной брат самого царя Александра II — великий князь Константин Николаевич, который сам был убеждённым приверженцем правомерных национально-освободительных преобразований. Однако все прочие польские патриоты продолжали настаивать на полной национально-государственной независимости Польши от многонациональной и православной Российской Империи, а также на восстановлении существовавших прежде национально-государственных границ самостоятельного государства всех российских поляков¹⁶.

В 1864 году для всеобщего народного самоуправления были учреждены такие местные органы публичной власти, как земства, в полномочия которых входили задачи и функции назначения денежных сборов на местные нужды, обустройство местных дорог и мостов, развитие торговли и промышленности, организация церковного и школьного образования и строительства, здравоохранения и благотворительности. Примечательно то, что в те пореформенные времена российский земский врач стал образом добросовестного и «самоотверженного служения народу».

Произвол центральных и местных властей вызывал недовольство освобождённых от из-под монастырской и помещичьей неволи русских крестьян. По этому поводу великий русский писатель Л. Н. Толстой, отличный знавший характер подневольного русского крестьянина, как их бывший добрый хозяин, достаточно верно в 1865 году предсказывал в своей записной книжке то, что русский мужик никогда не поддержит попыток расшатать самодержавно-имперский православно-тоталитарный государственный строй: «Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности»¹⁷. При этом для веками закреплённого русского крестьянина слово «воля» означала не что иное, как полную необузданность своих низменных страстей и похотей, право на беспорядное пьянство, бессмысленное буйство, нескончаемую гулянку, завистливый или мстительный поджог имущества своего хозяина или более богатого соседа.

Именно по причине полного умственного безразличия и нравственного равнодушия русского народа к повальному бесчинству оставшихся безнаказанными государственных чиновников в 1866 году русский студент Д. Каракозов решил от тактики «вхождения в народ» и пропаганды революционных идей и просветительских бесед с русскими мужиками перейти к реальному делу и отчаянно совершил покушение на жизнь самого императора Александра II. В это же время по этой же причине два довольно радикальных революционно настроенных известных русских журнала «Современник» и «Русское слово», которые распространяли революционные идеи, были закрыты, а цензура прессы была заметно ужесточена.

¹⁶ См. также: Осипян Б.А. Непреходящая идея права и соотношение международно-правовых принципов самоопределения народов и территориальной целостности государства // Аналитикон. 2010. № 10 – <http://analyticon.org>.

¹⁷ См.: Толстой Л.Н. В чём моя вера. // Полн. собр. соч. Т. 23. М., 1957. С. 57.

Законом 1867 года и указом 1869 года было отменено традиционное право кровных родственников наследовать церковные должности. Отныне детям духовных лиц была дана возможность самостоятельно выбирать место своей будущей учёбы или работы в государственных учреждениях и иных социальных организациях. Для лиц церковного сословия государство за счёт казны установило небольшие пенсии, а также единовременные или ежемесячные пособия. Получилось так, что все те православные священники и находящиеся на их иждивении лица, которые по тем или иным причинам остались не у дел, в случаях наступившей старости, инвалидности, вдовства, сиротства и т.д., смогли едва влачить своё экономически жалкое существование. Для посильного смягчения такого печального положения русских православных священников в России были созданы различные благотворительные учреждения, организованы различные способы сбора пожертвований на нужды беспомощных лиц духовного сословия и церковного служения. Примечательно то, что именно из их числа потом образовались многочисленные высокообразованные и интеллигентные «разночинцы», которые были самыми яростными и активными участниками всех революционных процессов в пореформенной Российской Империи.

Бурно происходящие процессы существенного обезбоживания и обмирщения духа русского православно-го законодательства¹⁸ проявлялось в том, что традиционно христианские духовно-брачные узы супругов из области духовно-нравственной были искусственно переведены на плоскость сугубо светских гражданских правоотношений, поскольку светское законодательство объявило их имущественно самостоятельными и потому наделяло их правом беспрепятственного взаимного предъявления претензий и исков, равно как и правом завещательного отказа. Право частной собственности на материальные и нематериальные блага постепенно законодательно признавалось «священным» и неограниченным, хотя для благополучия народа и государства его надлежало правомерно и законодательно умерить до определённых пределов¹⁹.

Всё это происходило на фоне той официальной идеи, что традиционная русская православная вера как основа государственной религии многонациональной и многоконфессиональной Российской Империи законодательно объявлялась самым важным объектом уголовного правоохранения и даже необходимой духовно-нравственной и государственной безопасностью. По личному убеждению и прилюдно сказанным словам тогдашнего обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева, высший Божественный закон является не только надлежащим правилом поведения всех людей и особенно подданных Российской Империи, но также и надлежащей духовно-нравственной заповедью и основным государственным законом: «На этом понятии о заповеди утверждается нравственное сознание о законе... Церковь, как общество верующих, не отделяет и не может отделять

¹⁸ См.: Осипян Б.А. Противоречивость дореволюционного российского законодательства как существенное условие будущих революционных потрясений // История государства и права. 2009. №14, №15, № 16. С. 31-33. С. 34-36. С. 30-34.

¹⁹ См.: Осипян Б.А. Социально-экономическая роль правомерного государства // Законодательство и экономика. 2012. № 4. С. 29-37.

себя от государства, как общества, соединённого в гражданский союз».²⁰ Заметим, что эта старая проблема сегодня снова приобрела особую государственную важность.

В 1870 году было издано «Городское положение», которое фактически вводило «прусскую систему» местного самоуправления в городах, при которой веский голос небольшой группы богатых налогоплательщиков приравнивался к слабому голосу нескольких десятков средних и мелких налогоплательщиков. Местной администрации было законодательно дано право в случае необходимости закрывать любые «неблагонадёжные» учебные и образовательные учреждения и заведения, промышленные и торговые предприятия, типографии газет и журналов, приостанавливать нежелательную деятельность органов местного самоуправления, т.е. земств и городских дум. Например, любой земский начальник фактически был вправе осуществлять не только свои административные, но и сугубо судебно-полицейские функции. Он мог по своему произволу навязывать своё решение сельским и волостным собраниям и сходам, подвергать неугодных ему лиц унижительному телесному наказанию, а также аресту сроком до трёх дней и штрафу в размере шести рублей. Таким образом, надлежащая идея права и народного самоуправления существенно была вытеснена укоренившейся закваской традиционного административно-полицейского и судебного произвола со всеми вытекающими отсюда неправомерными и пагубными социальными последствиями и потрясениями.

Для законодательного облегчения тяжёлой участи русского солдата в 1874 году были издан «Устав о воинской повинности» и манифест о введении всеобщей воинской повинности, который превратил защиту земного отечества в дело всего народа без сословного или иного различия. По новому Уставу всё пригодное для воинской службы мужское население России с двадцатилетнего возраста призвалось к исполнению «священной обязанности защиты престола и отечества».²¹ Срок обязательной воинской службы сокращался до шести лет в сухопутных войсках и семи лет во флоте, а отслужившие свой срок военнослужащие отправлялись в запас в течение девяти лет. Освобождались от службы в армии мужчины, которые являлись единственными кормильцами своих семей. Лица с высшим образованием проходили сокращённые сроки военной службы в зависимости от рода и уровня их полученного ими специального образования. Для полного возмещения отсутствия или недостатка их общего школьного образования в русской деревне и повышения боевой подготовки личного состава в русской армии был начат процесс прививания нравственного воспитания и начального обучения неграмотных солдат из бывших безграмотных крестьян.

В то же время, подобно бывшим крепостным крестьянам, русским солдатам и даже служащим офицерам многомиллионной царской армии под страхом неминуемого наказания законодательно запрещалось вступать в брак без должного разрешения их вышестоящих начальников. Более того, неправославные («инославными») христиане (католики, протестанты и т.п.) мог-

ли жениться на русской православной женщине только после предварительного официального принятия православной веры, т.е. канонического крещения в русской православной церкви и публичного признания себя русскими людьми и верноподданными русского царя.

В пореформенной России полиция, возглавляемая Министерством Внутренних Дел, в рамках «полицейско-паспортного режима» и в роли «всевидящего ока» посредством российских визовых документов и паспортов постоянно надзирала и контролировала процессы пребывания и передвижения всех лиц. В её многообразные функции входили также установление и свидетельствование в суде фактов задолженности заёмщиков и банкротов, распродажа невыкупленных у ростовщиков залогов. Она осуществляла строгий надзор за всеми театральными представлениями, концертами, афишами и уличной рекламой. Полиция, самовольно входя в непосильную роль исполнителя Божественного Провидения, даже могла публично укорять верующих православных людей, которые слишком долго не ходили в церковь для причастия, а также настойчиво заставляла российских подданных беспрекословно и покорно выполнять разнообразные приказы и распоряжения местных начальников для поддержания политического режима, общественного спокойствия и правопорядка.

Духовно и нравственно просвещённый и образованный русский царь Александр II, как народный попечитель и освободитель, созерцая первоначальные всходы и полезные для общества плоды своих богоугодных государственно-правовых преобразований, одновременно всколыхнувших и ожививших духовно-нравственную, правовую и экономическую жизнь России, также осознал необходимость безотлагательной разработки долговременного плана о принятии первой Конституции в истории России, согласно которой в стране официально должен был быть установлен конституционно-монархический правопорядок в духе лучших и передовых европейских христианско-правовых традиций. С этой целью в 1880 году по его личному почину была создана «Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия» под председательством правящего страной министра МВД России, генерала и графа М.Т. Лориса-Меликова²³, который ответственно возглавил процесс составления предложенного царём конституционного проекта и успешно завершил его в течение одного года²⁴. Однако 1 марта 1881 года процесс необходимого продолжения этого хорошо начатого грандиозного, подвижнического и судьбоносного для всей обновляемой России дела был внезапно прерван дерзким покушением на жизнь и зверским убийством самого русского царя революционными террористами их числа «народовольцев». После этого трагического события уже в апреле месяце того же 1881 года с целью укрепления правопорядка в стране

славный» в отличие от слова «православный» означает тех христиан, которые прославляют имя Господа Бога Иисуса Христа иными способами, которые с точки зрения иерархов РПЦ являются неправильными или даже «еретическими».

²³ Он имел армянское (его предки-мелики родились в Нагорном Карабахе) происхождение, был личным другом царя Александра II и успел также работать в должности премьер-министра, т.е. председателя Правительства России, руководя ходом составления конституционного законодательства.

²⁴ См.: Пашенцев Д.А. История государства и права России. М., 2004. С. 89.

²⁰ См.: Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 146, 206.

²¹ См.: Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. Издательство Белорусского Экзарха. Минск, 2006. С. 321.

²² Слово «инославные» придумано русскими православными иерархами для обозначения тех людей, которые исповедуют христианскую веру, но не крещены в РПЦ. Буквально слово «ино-

был издан царский «Манифест об укреплении самодержавия».

В целях поддержания режима царского самодержавия и общественного правопорядка в Российской Империи был принят также целый ряд законов и подзаконных нормативно-правовых актов, официально признающих и закрепляющих христианско-монархическую идеологию (известный лозунг «православие, самодержавие и народность») в качестве необходимой основы единой государственно-правовой идеологии Российской Империи²⁵, которая всячески поддерживалась во всех образовательных заведениях. В 1863 году был издан новый университетский устав, согласно которому профессорские корпорации получали широкую автономию и самоуправление в вопросах составления учебных программ, выборов на вакантные преподавательские должности и т.д.

Однако широкое распространение естествознания в университетах и средних школах воспитывало в студентах и учениках дух материализма, безбожия, безверия и бездуховности, на что обратил своё внимание тогдашний министр народного просвещения граф Д.А.Толстой. Именно возрастающий дух неверия и материалистического естествознания, культивируемый в процессе преподавания точных и гуманитарных наук стал основной причиной возникновения нередких студенческих беспорядков, уличных демонстраций, которые завершались арестами или отчислением студентов из высших учебных заведений или даже их временным закрытием. В 1871 году был утверждён новый устав для гимназий, а также для реальных училищ для изучения специальных технических профессий и предметов.

Было также издано специальное «Распоряжение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и приведению определённых местностей империи в состояние усиленной охраны», которое было нацелено на существенное укрепление вертикали имперской власти, законодательно были заметно расширены дискреционные полномочия лично назначаемых русским царём губернаторов, которые получили возможность по своему личному усмотрению запрещать всякие сомнительные и несанкционированные народные шествия и собрания, полностью контролировать средства массовой информации, накладывая аресты на всякого рода политических зазывал и смутьянов сроком на пять лет, высылать в административном порядке всех неблагонадёжных лиц из любой местности, в котором было объявлено чрезвычайное положение.

Полицейские органы государственной безопасности имели право по своему усмотрению осматривать, обыскивать, задерживать, допрашивать, заключать в тюрьму и ссылая лиц, виновных в политической деятельности или подозреваемых в политической «неблагонадёжности» лиц, отказывать в выдаче им особых свидетельств и специальных разрешений на занятие ими многими видами профессиональной деятельности, включая получение образования в высших учебных заведениях и службу в общественных и казенных учреждениях. Они надзирали над всеми видами духовно-культурной деятельности российских подданных и даже полномочны были поправлять и утверждать

²⁵ См.: Осипян Б.А. Политико-правовые и идеологические концепции как основание формирования государственно-конституционной системы общества // Государство и право. 2009. № 7. С. 61-71.

уставы общественных организаций. Неудобных для правительства «инакомыслящих» лиц после рассмотрения дела военно-полевым судом ожидала сибирская ссылка и изнурительные каторжные работы²⁶. Время от времени произвольно отменялось действие обычных законов и потому все простое российское население вынужденно было жить в условиях осадного или чрезвычайного положения.

Новые российские законы в условиях «усиленной охраны» и «чрезвычайного положения» строго запрещали студентам и молодым рабочим добровольно объединяться в какие-либо самоуправляемые союзы и организации. Между тем по известным причинам и в нарушение законов студенты создавали свои подпольные политические сообщества, в которые легко проникали всякого рода безработные «разночинцы», общественные смутьяны и политические экстремисты, которые нередко начинали руководить массовыми студенческими движениями и волнениями. Строжайше также было запрещено создание свободных рабочих профсоюзов под угрозой уголовного наказания виновных лиц.

В 1885 году с целью возможного законодательного ограничения административной зависимости российских судов и произвола бессовестных, своекорыстных и продажных судей была произведена попытка существенного реформирования судебной-процессуальной законодательства России²⁷. Однако она больших успехов не могла иметь, поскольку без наличия верного и надлежащего правосознания, мудрой, бесстрашной и неподкупной доброй совести русские судьи не могли освободиться от животного страха перед вышестоящими коррумпированными чиновниками, по своекорыстной воле которых они назначались или увольнялись с судейских должностей, либо от собственной жадности и соблазна быстрого личного обогащения посредством получения взяток за вынесение заведомо бессовестных, незаконно продиктованных сверху или щедро оплачиваемых с заинтересованных сторон судебных решений.

В 1889 году бывших хозяев законодательно раскрепощённых русских крестьян заменили новоиспечённые земские начальники, сверху подобранные и выдвинутые из наиболее заскоружлых помещиков каждой волости, которые нисколько не изменили своего надменного и неуважительного отношения к своим принудительно и несправедливо «освобождённым», но совершенно несамостоятельным и беззащитным крестьянам. Русский царь Александр III провёл ряд политических мероприятий, входивших в категорию так называемых «контрреформ», целями которых были существенные законодательные ограничения полномочий самостоятельных земских управ. Он также законодательно упразднил ранее действовавший институт мировых судей. На всех наиболее образованных инородцев и нерусских подданных, особенно евреев, которые, как считалось, более других подвержены политической крамоле, в царствование Александра III обрушилось неправомерное действие дискриминационных законов, в частности, законы о «черте оседлости».

По причине недовольства широких масс трудового

²⁶ См.: Осипян Б.А. Критерии правомерности типов и форм государства // История государства и права. 2007. № 18. С. 7-11.

²⁷ См.: Осипян Б.А. Смысл государственного строительства, управления и правосудия // Право и жизнь. 2014. № 194 (8). С. 61-84.

народа, многомиллионного русского крестьянства и рабочего класса, а также стараниями самого российской правительства был создан союз представителей всех слоев общественного мнения, от славянофилов справа до социалистов-революционеров слева. Народно-освободительное движение конца 80-х привело уже в начале 1905 года к первой кровавой русской революции и к принятию знаменитого «Манифеста» как прообраза новой Конституции России, а также иных важных законов²⁸. Известно, что бывший директор Департамента Полиции Лопухин в 1907 году пророчески писал: «При отсутствии элементарных научных понятий о праве, при знакомстве с общественной жизнью только в ее проявлениях в стенах военной школы и полковых казарм все политическое мировоззрение чинов корпуса жандармов заключается в представлениях о том, что существуют народ и государственная власть, что последняя находится в неперестанной опасности со стороны первого, что она подлежит от этой опасности охране и что для осуществления таковой все средства безнаказанно дозволены. Когда же такое мировоззрение совпадает со слабо развитым сознанием служебного долга и неспособностью по умственному развитию разобраться в сложных общественных явлениях, то основанные на нем наблюдения останавливаются только на внешних признаках этих явлений, не усваивая внутреннего их содержания, и потому всякое явление общественное принимает характер для государственной власти опасного. Вследствие чего охрана государственной власти в руках корпуса жандармов обращается в борьбу со всем обществом, а в конечном результате приводит к гибели и государственную власть, неприкосновенность которой может быть обеспечена только единением с обществом. Усиливая раскол между государственной властью и народом, она создает революционную ситуацию. Вот почему деятельность политической полиции представляется не только враждебной народу, но и противогосударственной»²⁹. Эта проблема весьма актуальна и сегодня.

В систему тайных полицейских и явных политических преследований «неблагонадёжных лиц» входила и ссылка, которая могла быть назначена либо по приговору суда, либо административным решением и имела несколько степеней строгости. Самой мягкой была ссылка под гласный надзор полиции в деревню или в отдаленную губернию на какой-то недолгий срок. Более суровым считался приговор к ссылке на поселение в Сибирь. Ссылкопоселенцы были по сути дела свободными людьми, могли работать по найму и иметь с собой семьи. Наихудшей формой ссылки была каторга³⁰. Такого рода каторжные работы были учреждены ещё при Петре I, который использовал наиболее опасных преступников на постройке судов в шахтах, на строительстве Петербурга и вообще везде, где требовался напряжённый и бесплатный труд. Приговоренные к каторжным работам лица жили в тюремных ка-

мерах, казармах и выполняли тяжелую работу под строжайшим сопровождением и конвоем. После 1886 года государственное использование принудительного труда заключенных в тюрьму ли регулировалась особыми правительственными циркулярами и инструкциями, направленными на то, чтобы сделать такой бесплатный труд ещё более доходным для государства. Согласно официальным статистическим данным в 1898 во всей Сибири было около трёхсот тысяч ссыльных всех категорий, в том числе более десяти тысяч заключенных на тяжёлых каторжных работах.

Порядок управления пореформенной России фактически основывался на своеобразной и традиционной «откупной системе», имевшей мало общего с узаконенным бюрократическим централизмом или местным самоуправлением. Прообразом такого «ручного управления» являлся издавна существовавший в «Московской Руси» «институт кормления», при котором русскому чиновничеству предоставлялась неограниченная свобода посредством «откатов» обкрадывать свою страну и «честно» делиться с вышестоящим начальством. В своё время Екатерина II со свойственной ей очаровательной откровенностью объясняла французскому послу смысл традиционной русской «системы кормления» и «откатов» применительно к своему двору: «Я устанавливаю ежегодную сумму, всегда одну и ту же, на расходы, связанные с моим столом, мебелью, театрами и празднествами, моими конюшнями, короче, со всем моим хозяйством. Я приказываю, чтобы на разные столы в моем дворце подавалось такое-то количество вина и такое-то число блюд. То же самое и во всех других областях управления. Покуда мне поставляют, качественно и количественно, то, что я приказала, и никто не жалуется, что его обошли, я считаю себя удовлетворенной; я мало беспокоюсь о том, что помимо установленной суммы от меня утаят хитростью или бережливостью...»³¹. Вот так, как на духу раскрывалась так называемая «система кормления» и производных от неё «системы откатов».

Ставшее притчей во языцех узаконенное взяточничество русских чиновников не было следствием каких-то особых черт русского национального характера или личной бездарности и ничтожности людей, которые расчётливо избирали себе административное поприще и чиновничью карьеру. Оно порождалось самим русским правительством, которое, не имея достаточных средств на управление, не только веками не платило жалованья своим чиновникам, но и прямо советовало им «кормиться от дел» в течение строго определенного срока своей службы. Из многовековой истории Российского государства известно то, что для того чтобы «вороватые» воеводы, назначенные на хлебные должности в Сибирь, не превосходили некоего считавшегося разумным порога вымогательства, правительство выставляло на ведущих из Сибири к Москве трактах заставы, которые обыскивали возвращавшихся воевод и их семейства и отбирали у них «утаённые излишки». Поэтому вороватые и лукавые русские воеводы, как «тати ночные», для сохранения награбленного ими богатства, возвращались домой извилистыми и окольными дорогами.

В течение многих веков традиционное на «Святой Руси» тупые и бездарные русские чиновники-«мздоимцы» хитро придумали себе и ввели в оборот

²⁸ См.: Осипян Б.А. Манифест 17 октября 1905 года и «Основные государственные законы Российской Империи» 1906 года как проекты долгожданной Конституции обновляющейся самодержавной власти и народной жизни дореволюционной России // Вестник развития науки и образования. 2015. № 4. С. 40-55.

²⁹ См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж. Массачусетс. 1974. С. 258-259.

³⁰ Русское слово «каторга» происходит от греческого слова «katergon», т.е. «галера»; так что политически неблагонадёжные ссыльные люди – каторжники - в Сибири представлялись как «рабы на галерах».

³¹ См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж. Массачусетс. 1974. С.184.

воровские понятия и деловой этикет, согласно которому проводилось различие между «безгрешными» и «грешными» взятками и «нетрудовыми доходами»³². Главным критерием для такого «научно обоснованного» различения этих неправомερных чиновничьих понятий была личность их жертвы. «Грешными» считались доходы, добытые посредством растраты казенных денег или намеренное искажение отчетов, затребованных вышестоящими начальниками из первопрестольных городов Петербурга и Москвы. «Безгрешные» доходы создавались за счет невежества, глупости и беззащитности подневольного трудового населения, путём его обмана или вымогательства взяток за скорое решение дела в пользу шустрого и наиболее щедрого просителя. Например, из произведений русских писателей-классиков³³ известно, что некий вице-губернатор, в обязанности которого входило удостоверение качества продаваемой в его губернии водки, за соответствующую мзду от владельцев спиртоводочных заводов мог записать разбавленную водку как чистую. Поскольку жертвой в данном случае были потребители, если бы даже эта проделка случайно открылась, никого не привлекли бы к правовой ответственности и суду. Губернаторы отдаленных губерний иногда ложно обвиняли богатых местных купцов в каком-либо мнимом преступлении и самовольно заключали их в тюрьму, пока те вовремя и через тайных посредников не откупались большими взятками.

Духовно невежественные и нравственно испорченные (коррупцированные), тупые и в то же время чрезвычайно хитроумные русские чиновники-мздоимцы, например, описанные Н.В. Гоголем в его бессмертном романе «Мёртвые души», весьма разнообразны: добродушны и мягкосердечны, либо властны и жестоки, хотя все они живут за счет государственной казны и подвластного им трудового народа, который они привыкли грабить среди бела дня подобно чужеземным завоевателям, находящимся среди покоренного ими вражеского народа. Чиновничье сообщество в пореформенной России более всего напоминало некий «тайный орден» или «разбойничью шайку», основанную на строгой иерархии и «воровские законы», как-то: «своих не сдавать», «изменников мочить» и т.д. Эти, ни на что, кроме государственной службы, не способные «мёртвые души», нисколько не заботились о благе подвластного им и запуганного народа, но только о своём карьерном продвижении по этой служебной лестнице. Поэтому они инстинктивно изгоняли из своей среды всех добросовестных и усердных людей, заботящихся о благе общества, и потому «делали всё, чтобы ничего полезного для других не делать», но посредством всяких хитросплетённых интриг и подстроенных ими подлостей замешать наиболее добросовестных и одарённых сослуживцев и тем самым сковать их «круговой порукой». Примечательно то, что в России, начиная с 1700 по 1917 годы, высшие государственные должности на более чем одну треть (точнее 37,6%) занимали приглашённые чиновники, которые имели иностранное происхождение.³⁴ Их уже нет в

России, но традиции остались.

В пореформенный период развития России возникла острая необходимость тесного сотрудничества высших православно-церковных и государственных служащих власти, так называемого «симфонического» взаимодействия «светского государства» с духовной властью церкви³⁵, которые, впрочем, в течение многих веков тайно или явно соперничали между собой и боролись за своё первенство в жизни многострадального русского народа. Однако от такого изначально неправомερного тесного идеологического и политического сращивания церкви и государства положение простого русского народа всё более ухудшалось, так как русская церковь неизбежно всё более политизировалась, обмирщалась и обезбоживалась, а многонациональное и многоконфессиональное «светское государство» и представляющие его «глубоко верующие» чиновники невольно «воцерковлялись», не оставляя своих привычных грехов.

По этой причине многонациональное и бесправное русское общество нарастающим церковно-чиновничьим произволом было доведено до отчаяния. Кровавые революционные события 1905 года и первой мировой войны 1914 года зародили в русском крестьянстве, рабочих и солдатах небывалое сознание собственной силы. Тогда император Николай II в марте 1917 года, понимая бедственное положение своего народа, решил добровольно отречься от царского престола, чувствуя своё бессилие перед тупым, трусливым, подлым и продажным русским чиновничеством.

Весной 1917 года многомиллионная масса русских мужиков, рабочих, крестьян и солдат, снова пустилась во все тяжкие грехи и преступления, чтобы раз и навсегда революционным путём разрушить всё ненавистное до основания и построить новый мир социальной справедливости, равенства и свободы. На замену крепостной зависимости в Россию нагрянул ураган чрезмерной вольности освобождённого от крепостнического режима многомиллионного русского крестьянства и рабочего люда. Вместо надлежащего и абсолютного суверенитета Всемогущего Господа Бога и трёхсотлетней самодержавной государственной власти русского царя в Российской Империи воцарились магические духи многообразного суеверия, неверия, безбожия и, как следствие, безоговорочной диктатуры (революционного беспредела) обездоленной и невежественной крестьянской черни и рабочих низов, — так называемого по-французски «пролетариата».

На место духовно и нравственно воспитанных, просвещённых, высокообразованных и добросовестных русских царей пришли безбожные коммунисты и социал-демократы³⁶, а также бедные, завистливые и духовно невежественные «кухаркины дети», «Швондеры» и «Шариковы», т.е. идеологически и политически обманутые и лишённые всякой необходимой собственности представители недавно «освобождённого» от «крепостного права» русского крестьянства и рабо-

немцы-лютеране занимали 15% высших должностей в центральном управлении.

³⁵ См.: Осипян Б.А. Семья, церковь и государство как сотрудники Господа Бога //Право и жизнь. 2006. № 12. С. 47-56.

³⁶ Напомним, что русские революции 1917 года проворачивали такие политические партии, как созданная в 1901 году партия социалистов-революционеров (эсеров), созданная в 1903 году партия коммунистов-большевиков (ВКП(б)), образованная в 1905 году партия конституционных демократов (кадетов) и другие политические силы.

³² См.: Осипян Б.А. Причины издания и совершения неправомερных актов: духовные, научные и практические аспекты //Российский юридический журнал. 2009. № 4. С.71-78.

³³ В первую очередь таких русских писателей, как Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов и др.

³⁴ Они большей частью имели западноевропейское, в первую очередь, немецкое происхождение. В середине XIX века одни

чих. Их интернациональная «диктатура», увы, оказалась несравненно более опасной и разрушительной, нежели правление почти полностью обезбожившихся, обмирщавшихся, идеологически и политически выдохшихся русских православных церковников и чиновников, которые в одночасье, вероломно и трусливо предали своего самодержавного «царя-батюшку», равно как и многовековую, многонациональную и многоконфессиональную русскую народность.

Список литературы

1. См.: Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века. Учебное пособие. / Под ред. В.В. Керова. М., 2009. С. 367.
2. См.: Цечоев В.К., Власов В.И. История отечественного государства и права. Р-н-Д., 2007. С. 423, 425.
3. См.: Осипян Б.А. Истоки идеи публичной власти в форме народного самоуправления //Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 7-12.
4. См.: Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. Издательство Белорусского Экзарха. Минск, 2006. С. 319.
5. См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж. Массачусетс. 1974. С. 154.
6. См.: Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 146, 206.
7. См.: Пашенцев Д.А. История государства и права России. М., 2004. С. 89.
8. См.: Осипян Б.А. Политико-правовые и идеологические концепции как основание формирования государственно-конституционной системы общества //Государство и право. 2009. № 7. С. 61-71.
9. См.: Осипян Б.А. Смысл государственного строительства, управления и правосудия //Право и жизнь. 2014. № 194 (8). С. 61-84.